ЯНВАРЬ. 1913.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 1.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія СПБ. Акц. Общ. „СЛОВО", ул. Жуковскаго, 21.
1913.

СОДЕРЖАНІЕ:

Изъ прошлыхъ лѣтъ.

(Воспоминанія о Н. Ѳ. Анненскомъ).

Я познакомилась съ Николаемъ Ѳедоровичемъ Анненскимъ въ 1860 г. когда онъ 17-лѣтнимъ юношей переѣхалъ со своей семьей на житье въ Петербургъ изъ Сибири, гдѣ отецъ его состоялъ на государственной службѣ. Первое впечатлѣніе, которое онъ на меня произвелъ, было не совсѣмъ въ его пользу: это былъ необыкновенно шумный, подвижной, веселый юноша, который безпрестанно шутилъ, смѣялся, перекидывался остротами съ своею 18-лѣтней сестрой, и мнѣ показалось, что они готовы осмѣивать все и всѣхъ. Черезъ годъ я поселилась въ ихъ семьѣ, какъ учительница младшихъ сестеръ, и это дало мнѣ возможность ближе познакомиться съ нимъ. Мы были родственниками (его отецъ былъ родной братъ моей матери) и потому дружескія отношенія между нами всѣмъ казались вполнѣ естественными. Лѣто мы проводили на дачѣ въ Лѣсномъ Институтѣ. Каждый вечеръ, когда дѣти укладывались спать, а старшіе члены семьи уходили къ себѣ въ комнаты, мы съ нимъ отправлялись бродить по довольно пустыннымъ въ то время улицамъ Лѣсного, и тутъ я увидѣла, какъ много серьезныхъ вопросовъ и запросовъ скрывалось подъ его мальчишескою беззаботностью. О чемъ не переговорили мы въ эти свѣтлые, лѣтніе вечера! И объ исторіи, и о нравственности, и о философіи, и о статьяхъ въ новыхъ книжкахъ журналовъ!

— Мнѣ кажется, я съ ума схожу!—говорилъ иногда Николай, запутавшись въ какомъ-нибудь философскомъ вопросѣ, и смотрѣлъ на меня дѣйствительно безумными глазами. Но вотъ проходило три, четыре минуты, и онъ самъ себя возвращалъ къ дѣйствительности какой-нибудь шуткой или какимъ-нибудь подвернувшимся ему на языкъ стихотвореніемъ. Память у него была колоссальная, онъ зналъ массу стихотвореній и очень любилъ цитировать ихъ.

Одинъ разъ я случайно услышала, какъ его отецъ говорилъ его матери:—Что это нынче за странная молодежь! Вотъ нашъ Николай цѣлые часы гуляетъ наединѣ съ молодой дѣвушкой, я вчера послушалъ, о чемъ они говорятъ: о воспитаніи дѣтей, о какихъ-то книгахъ, а о любви ни слова! Нѣтъ, въ наше время не такъ было!...

Я, смѣясь, передала эти слова Николаю и мы съ нимъ пожалѣли бѣдное „старое поколѣніе“, которое не знало между мужчиной и женщиной никакихъ отношеній, кромѣ любовныхъ. А намъ и безъ любви было хорошо! Хотя я была на три года старше Николая, но для меня впервые открывалось наслажденіе умственной жизнью, отвлеченной мыслью, а онъ весь горѣлъ этою жизнью, этою мыслью. Послѣ переѣзда въ Петербургъ онъ съ жадностью набросился на чтеніе, цѣлые часы проводилъ въ Публичной библіотекѣ и покупалъ у букинистовъ массу книгъ самаго разнообразнаго содержанія.

Николай хотѣлъ съ осени 1861 г. поступить въ университетъ, но такъ какъ онъ получилъ среднее образованіе въ кадетскомъ корпусѣ, (въ Омскѣ, гдѣ онъ провелъ дѣтство, не было въ то время никакого другого среднеучебнаго заведенія), то ему нужно было выдержать экзаменъ по всѣмъ предметамъ гимназическаго курса. При его блестящихъ способностяхъ это была бы для него не особенно трудная задача, но засадить себя за учебники было не подъ силу пылкому юношѣ, онъ не сталъ держать экзамена и записался въ университетъ вольнослушателемъ. Онъ сталъ посѣщать лекціи по филологическому факультету, увлекался Костомаровымъ и вообще всей атмосферой тогдашняго университета. По молодости и неувѣренности въ себѣ онъ не рѣшался выступить ораторомъ на сходкахъ, но не пропускалъ ни одной изъ нихъ и принималъ близко къ сердцу дебатировавшіеся на нихъ вопросы. Онъ участвовалъ въ знаменитой процессіи студентовъ, ходившихъ къ попечителю Филипсону изъ университета черезъ весь Невскій въ Колокольную улицу, и только случайно не попалъ въ число студентовъ, арестованныхъ на большой сходкѣ во дворѣ университета и затѣмъ отправленныхъ въ Кронштадскую крѣпость.

Университетъ былъ закрытъ. Публичныя лекціи, организованныя взамѣнъ его студенческимъ комитетомъ въ залѣ городской Думы, просуществовали всего два мѣсяца.

Съ этого времени зародился у Николая живой интересъ къ вопросамъ политической и общественной жизни. Букинисты, съ которыми онъ познакомился при покупкѣ книгъ, доставляли ему аккуратно всѣ вновь выходившіе №№ „Колокола“, черезъ знакомыхъ студентовъ онъ добывалъ прокламаціи, которыя тогда начинали ходить по рукамъ. Впрочемъ, факты окружающей дѣйствительности и безъ помощи литературы не могли не захватывать воспріимчиваго юношу. Университетскія исторіи, первыя политическія демонстраціи въ Польшѣ, арестъ Михайлова, высылка проф. Павлова и цѣлой массы студентовъ, кровавая расправа съ крестьянами при примѣненіи Положенія—все это сильно волновало его. Въ то время недовольство существующимъ порядкомъ высказывалось людьми самыхъ различныхъ направленій и слоевъ населенія, а молодежь принимала это недовольство за вѣрный признакъ бли-

зости переворота. Какъ произойдетъ этотъ переворотъ и что за нимъ послѣдуетъ — въ этомъ, кажется, никто, — по крайней мѣрѣ изъ знакомой намъ молодежи,—не отдавалъ себѣ яснаго отчета. У Николая тоже не было никакой опредѣленной политической программы, помню одно только, онъ всегда былъ самымъ горячимъ противникомъ террора и якобинства. Его до глубины души возмущала идея, которую въ то время проповѣдывали многіе въ сущности очень добродушные и безобидные юноши, что для общаго блага нечего останавливаться передъ жертвами, что, если для созданія новаго строя въ Россіи надо снести десятки тысячъ, хотя бы милліонъ головъ, то колебаться не слѣдуетъ. Также антипатична была ему мысль, что считаться съ мнѣніемъ и стремленіями большинства не стоитъ: кучка благородно настроенныхъ молодыхъ радикаловъ должна выработать программу новаго строя, захватить въ свои руки власть и насильно ввести тѣ учрежденія, которыя всѣхъ облагодѣтельствуютъ. Въ то время Николай еще не умѣлъ отстаивать своихъ убѣжденій путемъ логическихъ доказательствъ и неоспоримыхъ фактовъ, онъ замѣнялъ то и другое неудержимою горячностью, такою запальчивостью, которая иногда приводила въ смущеніе его противниковъ и невольно заставляла ихъ замолкать.

Почти такіе же горячіе споры приходилось ему вести и съ представителями противоположнаго лагеря, съ крѣпостниками, которые встрѣчались среди знакомыхъ его семьи. Рознь между отцами и дѣтьми начинала рѣзко обозначаться. „Дѣти“ совершенно утратили почтительность добраго стараго времени и отрицательно относились чуть ли не ко всему, чему поклонялись дѣды и отцы; „отцы“ до глубины души недавидѣли тѣ измѣненія въ бытѣ и понятіяхъ, которыя обусловливались отмѣной крѣпостного права; они не пропускали случая упрекнуть молодежь за ея увлеченія новшествами и злорадно подчеркивали всѣ ея ошибки и промахи. Въ своихъ возраженіяхъ Николай такъ же мало щадилъ пожилыхъ противниковъ, какъ и молодыхъ. Впрочемъ, съ пожилыми онъ начиналъ споръ, только когда они сами,—иногда нарочно,—задѣвали его; иначе онъ находилъ, „что не стоитъ разсуждать съ людьми, которые говорятъ на разныхъ съ нами языкахъ“, и въ разговорахъ съ ними избѣгалъ всякихъ щекотливыхъ вопросовъ.

Вообще въ молодости Николай былъ страшно вспыльчивъ: не только серьезное разногласіе, но иногда самая пустая житейская мелочь могла вывести его изъ себя, и онъ способенъ былъ наговорить массу оскорбительнаго тому, кто его разсердилъ. Но, Боже мой, какъ быстро простывалъ его гнѣвъ, какъ онъ каялся въ этихъ вспышкахъ, какъ онъ старался вознаградить обиженнаго за нанесенное оскорбленіе, заставить его забыть это оскорбленіе! И это стараніе никогда не пропадало даромъ: никогда не видала я человѣка, который затаилъ бы обиду противъ него.

— Онъ бѣшеный! — говорили иногда товарищи, возмущенные

его неукротимостью въ спорѣ, и съ неудовольствіемъ отходили отъ него, но проходило нѣсколько минутъ и они всѣ снова возвращались къ „бѣшеному“, побѣжденные его безконечнымъ добродушіемъ, его заразительною веселостью.

Освобожденіе крестьянъ произвело на насъ меньше впечатлѣнія, чѣмъ слѣдовало бы ожидать. Подъ вліяніемъ статей „Современника“ мы критически относились къ условіямъ реформы; кромѣ того, мы смотрѣли на нее, какъ на первый шагъ къ обновленію страны и съ нетерпѣніемъ ожидали послѣдующихъ.

Лѣтомъ 62 года, во время большихъ петербургскихъ пожаровъ, мы жили въ Старой Руссѣ, гдѣ старшая сестра Николая лечилась, и только изъ газетъ узнавали о надвигающейся реакціи, о пріостановкѣ на 8 мѣсяцевъ „Современника“, о закрытіи воскресныхъ школъ, объ арестѣ Чернышевскаго.

Всѣ эти горестные факты вовсе не производили на насъ удручающаго впечатлѣнія. Николай со своимъ обычнымъ сангвинизмомъ увѣрялъ, что это мимолетное зло, что послѣ усиленнаго подъема послѣднихъ лѣтъ реакція вполнѣ естественна, но что она не можетъ быть долговременна, что, чѣмъ сильнѣе и безцеремоннѣе она проявляется, тѣмъ скорѣе настанетъ новый подъемъ, тѣмъ энергичнѣе онъ будетъ.

И я раздѣляла его надежды, его ожиданія.

Университетъ оставался закрытымъ и родители Николая настоятельно требовали, чтобы онъ бросилъ мечты о высшемъ образованіи и поступилъ на службу въ министерство внутреннихъ дѣлъ, гдѣ отецъ его имѣлъ связи. Николай энергично воспротивился этому и ради заработка предпочелъ давать частные уроки. Онъ поступилъ въ помощники къ одному изъ своихъ родственниковъ, который готовилъ къ офицерскому экзамену юнкеровъ изъ богатыхъ и аристократическихъ семей. Занятія съ молодыми шелопаями не представляли сами по себѣ никакого интереса, но они давали хорошій заработокъ, оставляли много свободнаго времени и, главное, давали возможность учителю сохранять полную самостоятельность.

Между тѣмъ любовь незамѣтно прокрадывалась въ наши дружескія отношенія и вдругъ вспыхнула неожиданно для насъ самихъ. Сначала мы пытались скрыть ее отъ окружающихъ, но это оказалось для насъ невозможнымъ, и въ 63 году я должна была оставить семью Анненскихъ. Противъ меня лично родители ничего не имѣли, но, во-первыхъ, они считали (и въ сущности довольно основательно), что Николай еще слишкомъ молодъ, чтобы обзаводиться семьей, а, главное, ихъ смущало то, что каноническія правила запрещаютъ бракъ въ той степени родства, въ какой мы находились.

Это не помѣшало намъ съ Николаемъ часто встрѣчаться и видѣться. Въ это время мы съ нимъ и съ моей сестрой занялись переводами съ нѣмецкаго и англійскаго языковъ. Большая часть пе-

реведеннаго нами никогда не была напечатана, но нѣкоторыя вещи увидѣли свѣтъ. Между прочимъ, мы перевели „Исторію крестьянскихъ войнъ“ Циммермана, „Комедію всемірной исторіи“ Шерра, „Утилитаризмъ“ Милля, „Исторію философіи“ Льюиса. Этотъ послѣдній переводъ мы всегда считали своимъ литературнымъ грѣхомъ, такъ какъ взялись за него, имѣя весьма скудныя понятія о философіи. Книга была напечатана, все изданіе разошлось, никто не указалъ намъ нашихъ ошибокъ, но мы чувствовали, что ихъ должно быть много, и даже другъ съ другомъ избѣгали говорить объ этомъ несчастномъ предпріятіи.

Свиданія урывками, большею частью при третьихъ лицахъ, не удовлетворяли насъ. Я сказала матери, что беру мѣсто учительницы въ школѣ одной знакомой барыни, а на самомъ дѣлѣ наняла у этой барыни маленькую комнатку и поселилась въ ней. Туда каждый день приходилъ ко мнѣ Николай. Въ этомъ году университетъ опять открылся и онъ обыкновенно забѣгалъ ко мнѣ съ лекцій. Скоро имена Стасюлевича, Срезневскаго, Ламанскаго, Люгебиля стали мнѣ знакомы не меньше, чѣмъ любому студенту. Онъ подробно передавалъ ихъ лекціи, горячо оспаривая тѣ мнѣнія ихъ, которыя считалъ ложными, и съ одушевленіемъ развивалъ тѣ выводы, которые можно было сдѣлать изъ брошенныхъ ими вскользь идей. Случалось, впрочемъ, что наши свиданія носили менѣе мирный характеръ. Мнѣ не нравилась его домашняя жизнь, не нравилось, что онъ въ угоду родителямъ поддерживаетъ сношенія съ ихъ знакомыми, людьми совершенно другого міра, чѣмъ мы, что онъ отдаетъ слишкомъ много времени своимъ ученикамъ-юнкерамъ, которые всячески старались увлечь его въ свою кутежную компанію, иногда даже въ картежную игру. Онъ всегда откровенно признавался мнѣ въ своихъ прегрѣшеніяхъ, я огорчалась, упрекала его, напоминала ему его собственные планы разумной жизни, онъ слабо защищался, каялся, и иногда, усталый послѣ безсонной ночи, клалъ голову ко мнѣ на колѣни и, не дослушавъ моей нотаціи, тихо засыпалъ... Когда онъ просыпался черезъ какіе-нибудь полчаса, мы съ нимъ, смѣясь, вспоминали стихи Пушкина о юношѣ и ревнивой дѣвѣ, всякіе упреки были забыты.

Въ 64 или 65 году Николай выдержалъ безъ всякаго труда гимназическій экзаменъ; его знанія классическихъ языковъ превосходили знанія гимназистовъ, хотя онъ занимался не по гимназической программѣ, а по своей собственной системѣ: онъ добылъ учебники греческаго и латинскаго языка, составленные по методѣ Робертсона, заучилъ наизусть разсказы, приведенные въ нихъ, ознакомился съ основными грамматическими правилами и затѣмъ съ помощью такъ называемыхъ Eselsbrücke сталъ прямо читать авторовъ. Скоро онъ дошелъ до того, что читалъ á livre ouvert латинскихъ историковъ и поэтовъ, а также греческихъ драматурговъ. Благодаря своей блестящей памяти, онъ безъ труда запоминалъ

большіе отрывки изъ нихъ и много лѣтъ спустя приводилъ въ недоумѣніе и восхищеніе своихъ знакомыхъ, обращаясь къ нимъ съ патетическою рѣчью Цицерона противъ Катилины.

Въ началѣ 66 г. Николай вынесъ тяжелую болѣзнь, которую нѣкоторые доктора считали причиной его позднѣйшихъ сердечныхъ страданій. У него сдѣлался сильнѣйшій тифъ. Недѣли три онъ лежалъ безъ сознанія и жизнь его висѣла на волоскѣ. Мнѣ не позволяли видѣться съ нимъ ни во время болѣзни, ни во время его медленнаго выздоровленія подъ тѣмъ предлогомъ, что это можетъ взволновать его и повредить ему. Эта разлука была мучительна для насъ обоихъ и при первомъ же свиданіи мы рѣшили, что такъ или иначе должны устроить себѣ совмѣстную жизнь. Насъ лично нисколько не пугала жизнь безъ брака, но останавливала мысль о томъ горѣ, какое это причинило бы родителямъ, а въ особенности моей матери. На помощь намъ пришли нѣсколько знакомыхъ изъ молодежи, которые знали о нашихъ отношеніяхъ и сочувствовали намъ. Въ нѣсколькихъ часахъ ѣзды отъ Петербурга нашелся старенькій сельскій священникъ, который согласился обвѣнчать насъ, сквозь пальцы посмотрѣвъ на наши родственныя отношенія. И вотъ въ одинъ изъ первыхъ дней сентября мы отправились по Николаевской желѣзной дорогѣ въ сопровожденіи нашихъ двухъ шаферовъ (моего младшаго брата Петра и одного офицера, школьнаго товарища Николая). Передъ отъѣздомъ я все разсказала матери. Она сильно взволновалась, расплакалась, но мало-по-малу помирилась съ фактомъ, такъ какъ всегда очень любила и цѣнила Николая. Онъ не рѣшился открыться родителямъ и потому, вернувшись послѣ вѣнчанья, мы отправились каждый въ свой домъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Я въ то время держала небольшую школу и тотчасъ по возвращеніи должна была приняться за обычныя классныя занятія, а ему предстояло тежелое объясненіе съ родителями.

Объясненіе вышло дѣйствительно очень тяжелое, съ проклятіями отца, съ истериками матери, съ бѣшеными вспышками Николая. Оно тянулось нѣсколько дней, но, наконецъ, все уладилось вполнѣ удовлетворительно; рѣшено было устроить торжественный семейный обѣдъ, послѣ котораго мы, какъ всѣми признанные мужъ и жена, могли начать свою самостоятельную семейную жизнь. Моя мать выѣхала въ отдѣльную комнату, оставивъ мнѣ все свое хозяйство и мы, наконецъ, были предоставлены сами себѣ.

Въ матеріальномъ отношеніи наша жизнь сложилась далеко не блестяще, Моя школа въ среднемъ только окупала квартиру, Николай, чтобы имѣть что-нибудь, кромѣ случайныхъ и неопредѣленныхъ полученій за уроки, взялъ мѣсто корректора въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія съ платою по 25 р. мѣсяцъ но я съ дѣтства не привыкла къ роскоши, а Николай никогда, до самаго конца жизни не придавалъ значенія внѣшней обстановкѣ,

и мы были вполнѣ довольны. Наши знакомые всѣ принадлежали къ такъ называемому „нигилистячьему“ кругу, въ которомъ считалось чуть не преступленіемъ тратить лишнія деньги на личные расходы. Насъ даже упрекали въ „буржуазности“ за то, что у насъ чайный столъ покрывался скатертью и колбаса подавалась на тарелкѣ, а не на той бумагѣ, въ которой была куплена.

Случалось, что у Николая, страстнаго любителя музыки, являлось непреодолимое желаніе послушать музыку, а денегъ дома не было. Тогда мы съ Песковъ, гдѣ жили, шли пѣшкомъ къ Аничкину мосту въ главную кассу ссудъ, закладывали серебряные карманные часы Николая, оттуда уже на извощикѣ спѣшили въ Большой театръ, забирались на самые верхи, съ наслажденіемъ прослушивали оперу и назадъ возвращались пѣшкомъ, при чемъ Николай всю дорогу напѣвалъ ту или другую арію, стараясь подражать не только пѣвцамъ, но даже пѣвицамъ.

Вскорѣ наше матеріальное положеніе нѣсколько улучшилось: одинъ знакомый уговорилъ Николая поступить на службу въ Государственный Контроль. Въ то время Контроль рѣзко отличался отъ другихъ бюрократическихъ учрежденій. По мысли Татаринова онъ былъ основанъ съ цѣлью обуздать финансовый произволъ администраціи; въ него принимали на службу молодыхъ людей, не зараженныхъ бюрократическимъ духомъ, и взаимныя отношенія всѣхъ служащихъ были чужды всякаго чинопочитанія, всякаго низкопоклонства съ одной стороны, всякаго самодурства съ другой. Желающіе поступить на службу должны были, кромѣ кандидатскаго диплома, представить сочиненіе на заданную тему, въ которомъ могла выясниться степень ихъ интеллигентности и ихъ общіе взгляды. Сочиненіе, заданное Николаю, касалось, если не ошибаюсь,—финансовъ Франціи въ дореволюціонную эпоху и признано было настолько удовлетворительнымъ, что его немедленно зачислили на службу по вольному найму съ тѣмъ, чтобы дать ему штатное мѣсто, какъ только онъ выдержитъ кандидатскій экзаменъ.

Этотъ экзаменъ кошмаромъ висѣлъ надъ Николаемъ всѣ послѣдніе годы, но онъ никакъ не могъ заставить себя серьезно приняться за подготовленіе къ нему. Онъ посѣщалъ лекціи профессоровъ, нравившихся ему, онъ много читалъ по тѣмъ предметамъ, которые интересовали его, но и только. А между тѣмъ въ то время на историко-филологическомъ факультетѣ читалось очень много предметовъ, для основательнаго изученія которыхъ было необходимо аккуратно посѣщать лекціи профессоровъ и углубляться въ такія тонкости филологіи, которыя вовсе не привлекали Николая. Онъ рѣшилъ, что ему гораздо легче будетъ приготовиться по административному отдѣленію юридическаго факультета. Изъ главныхъ предметовъ этого отдѣленія политическая экономія была въ значительной степени знакома ему, съ римскимъ правомъ онъ ознакомился при занятіи исторіей, а энциклопедія права, которую

читалъ старый ученый, гроза студентовъ, профессоръ Рѣдкинъ, заинтересовала его своимъ философскимъ содержаніемъ. Онъ засѣлъ за приготовленіе къ экзамену, главнымъ образомъ по литографированнымъ запискамъ, лишь изрѣдка посѣщая лекцію того или другого профессора.

Вмѣстѣ съ нимъ приходили заниматься двое знакомыхъ молодыхъ людей и я скоро замѣтила, что онъ не столько занимается *вмѣстѣ* съ ними, сколько объясняетъ имъ темныя мѣста записокъ и дополняетъ недосказанное въ этихъ запискахъ. Между тѣмъ, когда настало время держать экзаменъ, весной 68 года, молодые люди смѣло пошли экзаменоваться, а Николай, робѣя, увѣрялъ, что недостаточно подготовленъ, что ему, уже бородатому, солидному человѣку, невыносима мысль сидѣть дуракомъ передъ профессоромъ. Мнѣ приходилось всячески ободрять и разубѣждать его, иногда чуть не насильно выталкивать за дверь.

Экзамены производились по вечерамъ. Съ волненіемъ ждала я его возвращенія. Проходило два, три, четыре часа... И вотъ на нашей темной, грязной лѣстницѣ раздавались торопливые шаги и арія Сабинина изъ „Жизни за Царя“:

„Ахъ, когда же съ поля чести
„Русскій витязь молодой
„Безъ удалой, доброй вѣсти
„Возвращается домой!“

Я знала, что все благополучно, и спѣшила открыть дверь...

Помню, какой оживленный онъ вернулся съ экзамена Рѣдкина. Въ этотъ вечеръ суровый старикъ былъ особенно не въ духѣ. Онъ отрывистымъ голосомъ предлагалъ вопросы, ни однимъ замѣчаніемъ не помогалъ сбившемуся студенту и въ заключеніе приглашалъ его придти еще разъ, приготовившись поосновательнѣе. Одна единица за другой появлялись въ его спискѣ и, наконецъ, паника овладѣла экзаменующимися, никто не рѣшался подойти къ экзаменаціонному столу.

— Ну, кто же еще? Никто больше не желаетъ?—спросилъ Рѣдкинъ, окидывая взглядомъ толпу оторопѣвшихъ юношей.

Въ словахъ его чувствовалась нѣкоторая насмѣшка и это подстрекнуло Николая. Онъ выступилъ впередъ и смѣло взялъ билетъ.

— Мой громкій голосъ выручилъ меня,—смѣясь, разсказывалъ онъ—я говорилъ такъ твердо и рѣшительно, что Рѣдкинъ повѣрилъ, будто я все знаю, задалъ мнѣ всего одинъ, два вопроса и поставилъ 5.

Къ 67 году относится начало нашего знакомства съ Владиміромъ Викторовичемъ Лесевичемъ, который въ это время уже началъ писать статьи въ журналахъ и имѣлъ связи въ литературномъ мірѣ. Лесевичи жили вмѣстѣ со своимъ родственникомъ Ватсономъ (Лесевичъ и Ватсонъ были женаты на двухъ родныхъ се-

страхъ), который до закрытія „Современника“ велъ въ немъ политическое обозрѣніе, а теперь былъ однимъ изъ главныхъ сотрудниковъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ В. О. Корша. Они занимали большую, хорошо меблированную квартиру. Съ перваго раза насъ нѣсколько смутили чинность и ком-иль-фотность всей ихъ обстановки, рѣзко отличавшейся отъ обихода другихъ нашихъ знакомыхъ.

— У Лесевичей надо всегда быть при шпагѣ!—говорилъ Николай и немного морщился, собираясь ѣхать къ нимъ.

Но „быть при шпагѣ“ въ чьемъ бы то ни было присутствіи слишкомъ противорѣчило его натурѣ; онъ очень скоро отбросилъ всякую лишнюю церемонность и явился такимъ, какимъ былъ въ то время всегда и вездѣ: непринужденнымъ, оживленнымъ, заразительно веселымъ, равно готовымъ отозваться и на глубокую мысль, и на остроумную шутку.

Лесевичъ получилъ образованіе въ инженерномъ военномъ училищѣ, изъ котораго перешелъ въ Академію Генеральнаго Штаба, а затѣмъ, вообразивъ, что у него призваніе къ военному дѣлу, служилъ нѣсколько времени на Кавказѣ. Неприглядныя условія этой службы быстро разочаровали молодого человѣка, онъ понялъ, что ошибся, вышелъ въ отставку и рѣшился посвятить себя литературной дѣятельности. Когда мы съ нимъ познакомились, у него ни въ наружности, ни въ манерахъ не было ничего, намекавшаго на его военное прошлое. Это былъ человѣкъ европейски образованный, очень начитанный, необыкновенно пріятный, остроумный собесѣдникъ и блестящій лекторъ. У него была большая библіотека, преимущественно на иностранныхъ языкахъ, къ книгамъ онъ относился съ какою-то почтительною нѣжностью. Въ то время онъ занимался религіозными или, лучше сказать, антирелигіозными вопросами и увлекался позитивизмомъ. Они съ Николаемъ очень скоро оцѣнили другъ друга и между нашими семьями установились самыя дружескія отношенія.

Съ осени 68 г. мы стали жить на одной квартирѣ съ моимъ младшимъ братомъ Петромъ. (Отъ школы я отказалась еще раньше, она не удовлетворяла меня ни въ нравственномъ, ни въ матеріальномъ отношеніи). Въ это время Петръ уже составилъ себѣ литературное имя своими статьями въ журналахъ „Время“, „Эпоха“, „Библіотека для Чтенія“ П. Д. Боборыкина, въ „Русскомъ Словѣ“ и замѣнившемъ его „Дѣлѣ“ Благосвѣтлова. Писать онъ началъ очень рано: его первая статья во „Времени“: „О судѣ по преступленіямъ противъ законовъ о печати“ была написана, когда ему еще не исполнилось 18 лѣтъ. Осенью 61 года онъ поступилъ въ университетъ на юридическій факультетъ, но ему слишкомъ не долго удалось посѣщать лекціи. Это было время университетскихъ волненій и онъ сразу принялъ въ нихъ самое дѣятельное участіе. Онъ былъ арестованъ вмѣстѣ съ толпою студентовъ, собравшихся на сходку, и отправленъ въ Кронштадтскую крѣпость, гдѣ проси-

дѣлъ два мѣсяца. Черезъ годъ онъ былъ снова арестованъ, на этотъ разъ уже привлеченный къ политическому дѣлу (Баллода) и провелъ около года въ Петропавловской крѣпости. Во время заключенія онъ не прерывалъ ни своихъ научныхъ занятій, ни литературныхъ работъ и, какъ только университетъ былъ открытъ осенью 63 г., онъ выдержалъ кандидатскій экзаменъ. Его статьи по общественнымъ и экономическимъ вопросамъ, его библіографическіе и критическіе разборы книгъ были написаны очень живо, иногда даже увлекательно, и всегда отличались оригинальностью мысли и строгою послѣдовательностью, доходящей до прямолинейности. Среди молодежи у него было много сторонниковъ, особенно же сторонницъ и поклонницъ. Мы въ семейномъ кругу признавали его талантливость и необыкновенную трудоспособность, но, какъ почти всегда бываетъ въ отношеніи къ близкимъ людямъ, любили подмѣчать его слабыя стороны. Мы подсмѣивались надъ его прямолинейностью и нарочно доводили до абсурда его положенія. Это нисколько его не смущало: онъ никогда не останавливался передъ абсурдомъ, если это было логическимъ послѣдствіемъ даннаго положенія, а къ нашимъ насмѣшкамъ относился съ непоколебимымъ добродушіемъ. Вообще трудно было найти болѣе мягкаго, незлобиваго, миролюбиваго человѣка въ частной жизни. Зная его близко, какъ-то не вѣрилось, что это и есть тотъ безпощадный критикъ „Дѣла“, который такъ безцеремонно расправляется съ писателями-художниками, еще труднѣе было ожидать отъ него тѣхъ свирѣпыхъ политическихъ теорій, которыя онъ высказывалъ. Когда онъ вернулся изъ Кронштадтской крѣпости, онъ находилъ, что для обновленія Россіи необходимо уничтожить всѣхъ людей старше 25 лѣтъ. Черезъ нѣсколько времени онъ отказался отъ этого человѣкоубійственнаго плана, но все-таки находилъ, что ради общаго блага не только можно, но даже должно жертвовать отдѣльными личностями. Большинство представлялось ему всегда косною массою, неспособною ни понимать, ни отстаивать свои интересы; сознательно революціонно настроенное меньшинство должно было создать для него новый, лучшій строй жизни и насильно заставить его принять этотъ строй.

По поводу этихъ якобинскихъ идей, а также по поводу принципа „цѣль оправдываетъ средства“ у нихъ съ Николаемъ въ прежніе годы часто завязывались сильнѣйшіе споры, при чемъ одинъ страшно горячился, а другой высказывалъ свои идеи безапеляціоннымъ тономъ, для доказательства справедливости ихъ не останавливался ни передъ какимъ абсурдомъ и на возраженія отвѣчалъ спокойно, съ легкой усмѣшкой. Теперь они уже не возобновляли этихъ споровъ. Каждый чувствовалъ, что ему не переубѣдить другого, и разность убѣжденій не мѣшала имъ искренне любить и уважать другъ друга.

Наша совмѣстная жизнь была устроена такъ, что ни мы не стѣсняли брата, ни онъ насъ. Передняя раздѣляла квартиру на двѣ

части, каждый былъ хозяиномъ въ своей и не мѣшался въ дѣла другого. Братъ часто возвращался домой поздно ночью и мы никогда не спрашивали у него, гдѣ онъ былъ, мы не любопытствовали узнавать, кто были тѣ неизвѣстные намъ люди, которые приходили къ нему и просиживали съ нимъ цѣлыми часами. Онъ самъ не предлагалъ намъ знакомиться съ ними. Впослѣдствіи мы поняли, что онъ не хотѣлъ замѣшивать насъ въ дѣло, которому мы не сочувствовали.

Въ эту зиму на нашей половинѣ часто устраивались довольно многолюдныя, а, главное, очень шумныя собранія. Это было начало движенія въ пользу высшаго женскаго образованія. Мы съ сестрой принимали въ немъ дѣятельное участіе. Сторонницы этого движенія въ Петербургѣ раздѣлились на двѣ партіи: такъ называемыя „аристократки" (Философова, Стасова, Тарновская и др.) и „нигилистки", къ которымъ принадлежали мы. Партіи эти не были строго разграничены, многія переходили изъ одной въ другую, даже принадлежали одновременно къ обѣимъ. Во всякомъ случаѣ обѣ стремились къ одной цѣли и сношенія между ними были самыя оживленныя, хотя случались и разногласія. У „аристократокъ" были связи въ сферахъ и онѣ лучше насъ знали, какихъ уступокъ можно ждать отъ администраціи и какимъ путемъ добиваться этихъ уступокъ. Мы были болѣе знакомы съ той средой, изъ которой должны были выйти учашіяся женщины, съ ея требованіями и стремленіями. „Нигилистки" собирались у насъ и горячо обсуждали разные вопросы, касавшіеся расширенія женскаго образованія и женскихъ правъ вообще, а также средства добиться этого расширенія. Собранія были исключительно женскія, мужчины на нихъ не допускались, но, когда митингъ расходился и за чайнымъ столомъ оставались только близкія знакомыя, Николай выходилъ изъ засады и со своею обычною горячностью говорилъ за или противъ принятыхъ нами рѣшеній. Онъ, конечно, стоялъ за предоставленіе женщинамъ всякихъ возможностей и къ образованію, и къ самостоятельной дѣятельности, но зло подтрунивалъ надъ увлеченіемъ феминизмомъ и увѣрялъ, что теперь ужъ многіе мужчины иначе не говорятъ о себѣ какъ „мы, женщины".

Весной 69 г. мой братъ былъ арестованъ и привлеченъ къ Нечаевскому дѣлу. Съ начала осени ходили слухи о множествѣ обысковъ и арестовъ, производящихся въ связи съ этимъ дѣломъ. Среди нашихъ близкихъ знакомыхъ не было настоящихъ Нечаевцевъ, хотя были люди, которые сочувствовали не только цѣлямъ общества, но и его способамъ дѣйствія. Масса арестовъ всполошила ихъ, они не чувствовали себя въ безопасности и готовились ко всякимъ случайностямъ. Относительно насъ всѣ находили, что мы можемъ быть спокойны, такъ какъ Николай чиновникъ и его не могутъ арестовать безъ серьезнаго повода, а къ Нечаевскому дѣлу онъ не имѣлъ никакого касательства. Поэтому намъ спѣшили д

вать разныя порученія, кого извѣстить въ случаѣ ареста, какъ распорядиться тѣми или другими вещами и т. п.

— Дѣлаютъ насъ своими душеприкащиками,—смѣялся Николай.

И вдругъ, совершенно неожиданно, въ ночь на 1 декабря, къ намъ нагрянула полиція, произвела очень тщательный обыскъ и арестовала Николая. Не скажу, чтобы я была очень испугана этимъ, обыски и даже аресты были не особенно рѣдкимъ явленіемъ въ нашей средѣ, кромѣ того я знала, что никакого серьезнаго обвиненія противъ Николая нельзя выставить. Но тутъ случилось одно обстоятельство, которое осложнило мое положеніе и доставило мнѣ много тревогъ и непріятностей. Оказалось, что жандармскій офицеръ, въ рукахъ котораго находилось дѣло Николая, былъ старинный знакомый или дальній родственникъ его родителей. Они, конечно, немедленно обратились къ нему со своими просьбами, а онъ пріѣхалъ ко мнѣ и сталъ уговаривать меня, чтобы я написала мужу, убѣждая его во всемъ чистосердечно сознаться.

— Если онъ сознается, его немедленно освободятъ, въ противномъ случаѣ ему придется просидѣть очень долго, а, можетъ быть, подвергнуться и болѣе серьезному наказанію.

Я наотрѣзъ отказалась писать такое письмо.

— Если мужъ получитъ это отъ меня,—говорила я—онъ просто подумаетъ, что я съ ума сошла, вѣдь онъ же хорошо знаетъ, что ему не въ чемъ сознаваться.

Жандармъ уѣхалъ ни съ чѣмъ, но дня черезъ три, четыре опять вернулся.

— Вы напрасно говорили, что вашему мужу не въ чемъ сознаваться,—объявилъ онъ—въ его бумагахъ найдена вотъ эта брошюра, а онъ ни за что не хочетъ сказать, отъ кого получилъ ее.

Я взглянула на брошюру: это были корректурные листы перевода рѣчи испанскаго революціонера Кастелляра. Кто-то хотѣлъ, было, издать ее, находя, что въ ней есть много подходящаго къ русскимъ обстоятельствамъ; намъ дали просмотрѣть ее, мы ее прочли и забыли въ глубинѣ какого-то ящика.

— Вашъ мужъ увѣряетъ, что забылъ, откуда у него эта брошюра,—продолжалъ жандармъ—напомните ему. Вы этимъ окажете ему большую услугу.

Понятно, я тоже не могла вспомнить, какъ попала къ намъ злосчастная брошюра.

— Въ числѣ вашихъ бумагъ, — любезно наводилъ меня жандармъ — была книжка изъ библіотеки Черкесова. Можетъ быть, брошюра попала къ вамъ случайно, въ одной изъ книгъ библіотеки, вспомните-ка?

Я насторожилась. Въ городѣ ходили слухи, что Черкесовъ, недавно избранный мировымъ судьей, очень непріятенъ полиціи и жандармеріи тѣмъ, что пользуется своимъ правомъ посѣщать тюрьмы и разные арестные дома, разговариваетъ съ заключенными,

выслушиваетъ ихъ жалобы, поднимаетъ дѣла по поводу незаконныхъ арестовъ и т. п. Въ то время еще не рѣшались арестовать безъ законнаго повода мирового судью и, очевидно, жандармы думали воспользоваться нами, чтобы найти хотя ничтожный поводъ придраться къ нему. Послѣ моего рѣшительно отрицательнаго отвѣта жандармъ ушелъ разсерженный, бросивъ мнѣ упрекъ, что я ничего не хочу сдѣлать для спасенія своего мужа.

Онъ приходилъ ко мнѣ еще раза два все съ тѣми же вопросами и приставаньями и повторялъ, что мужу грозитъ очень продолжительное заключеніе, даже по всей вѣроятности ссылка въ отдаленныя мѣстности. Наконецъ, видя, что отъ меня ничего не добиться, онъ оставилъ меня въ покоѣ.

Николай сидѣлъ въ Литовскомъ замкѣ въ одиночномъ заключеніи. Свиданій мнѣ съ нимъ не давали, но я могла доставлять ему пищу и книги, а черезъ посредство тюремнаго врача получала извѣстія о его здоровьѣ.

Въ концѣ января разнесся слухъ, что Нечаевское дѣло изъ III-го Отдѣленія перешло въ судебное вѣдомство. Въ то время судебное вѣдомство стояло высоко въ общественномъ мнѣніи, мы вѣрили въ правосудіе, вѣрили, что человѣкъ не виновный осужденъ не будетъ, но въ связи съ Нечаевскимъ дѣломъ была забрана масса людей и я боялась, что Николаю придется очень долго сядѣть въ тюрьмѣ, пока выяснится его непричастность къ дѣлу. Я рѣшилась пойти къ товарищу прокурора, въ рукахъ котораго было дѣло, и просить его объ одномъ—поскорѣй сдѣлать допросъ мужу. При этомъ я самымъ настоятельнымъ образомъ увѣряла его, что арестъ Николая прямое недоразумѣніе, которое онъ легко можетъ выяснить. Не знаю, подѣйствовали ли мои слова на прокурора или это было простое совпаденіе, но черезъ нѣсколько дней послѣ моего визита онъ дѣйствительно вызвалъ Николая на допросъ, а около половины февраля состоялось постановленіе объ освобожденіи его на томъ основаніи что „самъ онъ себя виновнымъ не призналъ, и никто изъ подсудимыхъ его не оговорилъ". О злосчастной рѣчи Кастелляра, такъ заинтересовавшей III Отдѣленіе, вовсе не упоминалось ни въ дѣлѣ, ни на допросѣ.

Арестъ Николая былъ, конечно, извѣстенъ въ контролѣ, но нисколько не повредилъ ему по службѣ. Мнѣ передавали, будто Татариновъ сказалъ, что „необходимо подождать, какъ выяснится его дѣло, арестъ, самъ по себѣ, не имѣетъ никакого значенія, такъ какъ нынче сплошь и рядомъ арестуютъ людей ни въ чемъ невиноватыхъ". Каждое 20 число чиновникъ контроля привозилъ мнѣ его жалованье, а вскорѣ по освобожденіи Николай получилъ значительное повышеніе по службѣ.

Зимой 1870—71 г. кружокъ петербургской интеллигенціи рѣшилъ устраивать періодическія собранія для обсужденія на нихъ

разныхъ общественныхъ, литературныхъ и научныхъ вопросовъ. Кружокъ въ шутку назвалъ себя „Обществомъ трезвыхъ философовъ" и эта кличка осталась за нимъ, попала даже въ оффиціальныя бумаги. Членами кружка были писатели (Михайловскій, Лесевичъ, Семевскій и др., позднѣе Южаковъ), молодые ученые, адвокаты; число ихъ мѣнялось, но, кажется, никогда не превышало тридцати. Собирались они раза два въ мѣсяцъ въ квартирѣ семейныхъ членовъ, чаще всего у Водовозовыхъ и у Лесевичей, а съ конца 71 г., когда мы наняли просторную квартиру, у насъ. Обыкновенно кто-нибудь читалъ рефератъ, состоявшій или въ изложеніи какого-нибудь вновь вышедшаго сочиненія, русскаго или иностраннаго, или въ самостоятельной разработкѣ вопроса, занимавшаго общественное мнѣніе. Слушатели или возражали референту, или высказывали собственныя мнѣнія по тому же поводу; поднимались споры и „философы" иногда засиживались за ними до 2—3 часовъ ночи. Но домой они всѣ неизмѣнно возвращались „трезвые", такъ какъ на собраніяхъ никакихъ напитковъ, кромѣ чая, не подавалось.

Николай рѣдко читалъ собственные рефераты; его роль сводилась, главнымъ образомъ, къ критикѣ чужихъ рефератовъ и къ самостоятельному освѣщенію выдвинутыхъ вопросовъ. Помнится, послѣ какого-нибудь реферата, особенно послѣ неудачнаго, всѣ молчатъ и смущенно переглядываются. Черезъ минуту раздается громкій голосъ Николая. Онъ обыкновенно начиналъ съ легкаго комплимента и выраженія сочувствія референту, затѣмъ указывалъ на его промахи часто въ шутливой, всегда въ безобидной формѣ и наконецъ, предлагалъ собранію разсмотрѣть тотъ же вопросъ съ другой точки зрѣнія. Положеніе было спасено и референтъ забывалъ неудачу, утѣшаясь мыслью, что подалъ поводъ къ оживленнымъ и интереснымъ преніямъ.

Благодаря „трезвымъ" философамъ, у насъ завязались знакомства въ литературномъ мірѣ; знакомства эти расширились и стали интимнѣе въ такъ называемомъ „Ольхинскомъ клубѣ", возникшемъ приблизительно въ то же время. Кружокъ трезвыхъ философовъ былъ слишкомъ узокъ, кажется, женщины совсѣмъ не допускались въ него, по крайней мѣрѣ, я не помню ни одной женщины — члена кружка. Мы допускались на собранія только какъ слушательницы безъ права голоса. Отъ мужчинъ требовались извѣстный образовательный цензъ и довольно высокій уровень умственныхъ силъ. А между тѣмъ масса интеллигенціи не имѣла пункта, гдѣ могла бы сойтись, обмѣняться мыслями, узнать, что дѣлается на свѣтѣ, иногда просто повеселиться въ своемъ кругу. Сколько-нибудь многолюдныя, хотя бы самыя невинныя собранія въ домахъ людей „подозрительныхъ" (а подозрительными были всѣ люди передового направленія) привлекали вниманіе полиціи и нерѣдко приводили къ обыскамъ и арестамъ; въ клубѣ всегда можно было натолкнуться на шпіоновъ. На помощь явился присяжный повѣренный

А. А. Ольхинъ. Онъ былъ человѣкъ состоятельный, занималъ большую квартиру, велъ открытый образъ жизни, черезъ своихъ родственниковъ имѣлъ связи съ административнымъ міромъ, и мѣстная полиція спокойно смотрѣла на то, что у него собирается черезъ каждыя двѣ недѣли многолюдное общество. Для приданія еще болѣе невиннаго вида этимъ собраніямъ, на нихъ играла музыка и устраивались танцы.

Очень многіе писатели были постоянными посѣтителями Ольхинскаго клуба: Михайловскій, Успенскій, Курочкинъ, Демертъ, Скабичевскій и много другихъ. Полная непринужденность господствовала на этихъ собраніяхъ. Въ одномъ углу столовой сидѣла группа, которая за кружками пива серьезно обсуждала современные политическіе вопросы, или вела какой-нибудь дѣловой разговоръ, въ другомъ тайкомъ передавались изъ рукъ въ руки только что отпечатанные листки подпольной литературы или вполголоса сообщалось какое-нибудь извѣстіе, важное для подпольнаго міра, а въ залѣ таперъ колотилъ по роялю и пары молодежи носились въ веселомъ танцѣ. Н. К. Михайловскій и Николай всѣхъ чаще удалялись въ укромные уголки то съ тѣмъ, то съ другимъ изъ присутствующихъ и они же всѣхъ неутомимѣе танцовали, Николай Константиновичъ очень ловко и красиво, Николай болѣе неистово, чѣмъ изящно.

Лѣтомъ 1871 разбирался процессъ Нечаева. Николай былъ вызванъ въ качествѣ свидѣтеля. Брату моему, между прочимъ, инкриминировалось то, что онъ будто бы устраивалъ у себя на квартирѣ собранія нечаевцевъ и что именно на этихъ собраніяхъ была выработана программа ихъ дѣйствій. Это была совершенная неправда. Николай въ своемъ показаніи нарисовалъ планъ нашей квартиры и доказалъ съ полною очевидностью, что конспиративныя собранія въ комнаткахъ, занимаемыхъ Петромъ, были невозможны. Онъ говорилъ такъ подробно и убѣдительно, что обвиненіе было снято, а въ публикѣ многіе стали называть его имя въ числѣ защитниковъ по нечаевскому процессу [1]).

Успѣхъ этого перваго выступленія на судѣ и та легкость, съ какою онъ говорилъ передъ судьями и публикой, навели Николая на мысль сдѣлаться присяжнымъ повѣреннымъ—званіе, въ то время окруженное ореоломъ въ нашихъ глазахъ. Одинъ знакомый присяжный повѣренный съ радостью записалъ его своимъ помощни-

---

[1]) Братъ былъ приговоренъ къ заключенію въ крѣпости на два съ половиной года, съ зачетомъ того времени, которое уже просидѣлъ въ крѣпости, и въ началѣ 72 года высланъ административнымъ порядкомъ на родину, въ городъ Великіе Луки, Псковской губ. Оттуда онъ въ 73 году эмигрировалъ за границу и жилъ сначала въ Женевѣ, а затѣмъ въ Парижѣ, сотрудничая и въ русскихъ и въ заграничныхъ изданіяхъ Въ 1883 году онъ заболѣлъ прогрессивнымъ параличемъ мозга и 1885 г. умеръ въ Парижѣ.

комъ и поручилъ ему одно гражданское и одно уголовное дѣло. Гражданское было тяжба какого-то домовладѣльца со своимъ управляющимъ. Николай принялся самымъ добросовѣстнымъ образомъ изучать всѣ документы; кліентъ безконечное число разъ пріѣзжалъ къ намъ и, не довольствуясь этимъ, Николай самъ ѣздилъ къ нему на Петербургскую сторону. Наконецъ, послѣ всесторонняго разсмотрѣнія дѣла, онъ убѣдился, что домовладѣлецъ просто-на-просто мошенникъ, и отказался защищать его.

Съ уголовнымъ дѣломъ вышло еще хуже. Его подзащитный былъ юноша лѣтъ 17, который бѣжалъ отъ родителей, обокравъ ихъ, нѣсколько времени кутилъ въ разныхъ трущобахъ и затѣмъ попался на второй кражѣ. Его виновность была доказана неопровержимыми данными, но онъ рѣшительно отрицалъ ее и со слезами жаловался на несправедливость и жестокость родителей. Долго возился съ нимъ Николай, стараясь пробудить въ немъ лучшія чувства и, наконецъ, повидимому, убѣдилъ его въ одномъ, что ложь передъ судомъ погубитъ его, что его единственное спасеніе въ чистосердечномъ признаніи. Онъ приготовилъ въ защиту его длинную рѣчь, въ которой описывалъ ненормальную обстановку его дѣтства, говорилъ о его нравственной безпомощности, о томъ, насколько проявляемое имъ раскаяніе можетъ служить залогомъ, что онъ въ состояніи начать новую жизнь, и просилъ судъ не преградить для него эту жизнь своимъ суровымъ приговоромъ. Въ день суда онъ видѣлся съ кліентомъ и юноша со слезами на глазахъ обѣщалъ не лгать и во всемъ сознаться. Но вотъ предсѣдатель предложилъ ему обычный вопросъ:—Признаете ли себя виновнымъ?—Онъ твердымъ голосомъ отвѣтилъ:—Нѣтъ, не признаю.—А затѣмъ сталъ давать показанія, лживость которыхъ доказывалась и сопоставленіемъ фактовъ, и всѣми свидѣтелями. Николай былъ страшно пораженъ и взволнованъ. Вся его защита, построенная на раскаяніи подсудимаго, рушилась. Въ своей рѣчи онъ попробовалъ дать нѣсколько иное толкованіе его словамъ, объяснить ихъ его неразвитостью, непониманіемъ вопросовъ, забывчивостью, но это лишь вызвало насмѣшливую улыбку прокурора, который видѣлъ, что неопытный адвокатъ говоритъ противъ своего кліента. Онъ еще больше смутился, сбился, заговорилъ такъ быстро, что за словами его еле можно было услѣдить, и закончилъ, чуть ли не назвавъ своего кліента нравственнымъ идіотомъ и прося судъ о снисхожденіи къ нему на этомъ основаніи.

Не помню, уважилъ ли судъ эту просьбу, но знаю, что домой Николай вернулся страшно разстроенный и въ тотъ же день рѣшилъ навсегда отказаться отъ адвокатской дѣятельности. Я горячо поддержала его въ этомъ намѣреніи. Его первая, чисто случайная неудача не приводила меня въ такое уныніе, какъ его, но мнѣ казалось, что по своей натурѣ онъ не можетъ быть адвокатомъ. У него былъ слишкомъ критическій складъ ума, слишкомъ большая

наклонность каждый вопросъ разсматривать со всѣхъ сторонъ, съ разныхъ точекъ зрѣнія, ему не хватало той односторонности, той способности довольствоваться одною частью истины, которая часто необходима при защитахъ.

Была другая дѣятельность, о которой я для него мечтала и которая ему самому всегда казалась привлекательной: дѣятельность профессора. Благодаря своимъ блестящимъ способностямъ и своему интересу къ научнымъ вопросамъ, онъ могъ сдѣлаться недюжиннымъ ученымъ, а, главное, онъ умѣлъ жить одною жизнью съ молодежью, умѣлъ подчинять своему вліянію менѣе развитыхъ людей и руководить ими, не лишая ихъ самостоятельности, не подавляя ихъ своимъ умственнымъ превосходствомъ. Препятствія со стороны администраціи не пугали насъ: мы твердо вѣрили, что старый режимъ близится къ концу, что при новомъ строѣ полицейскій и административный произволъ исчезнутъ и для всякаго откроется возможность работать на томъ поприщѣ, которое онъ самъ себѣ изберетъ.

Надобно было, не теряя времени, готовиться къ избранному пути. Чтобы сдѣлаться профессоромъ необходимо было выдержать магистерскій экзаменъ. Николай былъ кандидатомъ юридическаго факультета, но магистрироваться по этому факультету ему не хотѣлось. Исторія была всегда его любимымъ занятіемъ, сдѣлаться профессоромъ исторіи была его мечта. Но для этой цѣли нужно было выдержать кандидатскій экзаменъ по филологическому факультету. Въ петербургскомъ университетѣ это было очень трудно, но въ кіевскомъ факультетъ дѣлился на два отдѣленія: историческое и филологическое, и по первому изъ нихъ не требовалось обширныхъ лингвистическихъ и филологическихъ знаній. Въ концѣ лѣта 1873 г. Николай поѣхалъ въ Кіевъ и черезъ два мѣсяца вернулся кандидатомъ филологическаго факультета. Магистерскій экзаменъ требовалъ отъ него очень небольшихъ усилій, но при министерствѣ Толстого онъ, конечно, никогда бы не получилъ каѳедры, а, когда Толстой сошелъ со сцены, судьба повернула его жизнь совсѣмъ въ другую сторону. Политическое броженіе все возрастало, Николай былъ слишкомъ живой и отзывчивый человѣкъ, чтобы оставаться безучастнымъ свидѣтелемъ его.

Весной 1872 г. сестра моя, возвратившись со своимъ мужемъ А. А. Криль, изъ-за границы, привезла программу „Впередъ“, которую Лавровъ прислалъ въ Петербургъ, чтобы узнать, можетъ ли его будущій журналъ встрѣтить сочувствіе. Сестра остановилась у насъ и на другой же день у насъ былъ произведенъ обыскъ. Обыски были въ тѣ времена настолько заурядныыъ явленіемъ, что даже перестали возмущатъ обывателей. Николай держался въ высшей степени корректно съ полицейскими и жандармами, предупредительно открывалъ имъ всѣ ящики и шкафы, вообще выказывалъ имъ ту внѣшнюю любезность, съ какой обыкновенно отно-

сился къ людямъ, которыхъ презиралъ въ душѣ. Благодаря этому, обыски у насъ проходили всегда безъ скандаловъ и безъ лишнихъ непріятностей, хотя доставляли не мало труда обыскивателямъ: у насъ было много книгъ, преимущественно на иностранныхъ языкахъ, въ которыхъ они были далеко не сильны, и масса разныхъ бумагъ, бумажекъ и писемъ, въ безпорядкѣ наваленныхъ въ ящикахъ столовъ.

На этотъ разъ обыскъ былъ очень тщательный и продолжался всю ночь, но въ результатѣ то, что должно было быть скрытымъ, осталось неразысканнымъ, и на другой же день десятки рукъ переписывали программу Лаврова, а черезъ нѣсколько дней она горячо обсуждалась и у „трезвыхъ философовъ“, и въ „Ольхинскомъ клубѣ“, и въ разныхъ кружкахъ молодежи.

Многіе радикалы находили программу слишкомъ умѣренной, слишкомъ мало революціонной. Кромѣ того, въ это время начиналось такъ называемое „хожденіе въ народъ“. Многіе молодые люди отказывались поступать въ высшія учебныя заведенія и бросали университеты, чтобы скорѣе приняться за дѣятельность среди народа. Они находили, что та научная подготовка, которую Лавровъ рекомендуетъ революціонерамъ, совершенно излишня, что она заставляетъ напрасно терять время и притупляетъ энергію. Николай поддерживалъ точку зрѣнія Лаврова, хотя подсмѣивался надъ его „космическою подготовкой революціи“. Онъ горячо доказывалъ, что пропаганда въ народѣ вещь слишкомъ серьезная и отвѣтственная, что, взявшись за нее безъ достаточныхъ знаній и опытности, можно, пожалуй, принести больше вреда, чѣмъ пользы. Программа была въ значительной степени видоизмѣнена въ радикальныхъ кружкахъ молодежи и отослана обратно къ Лаврову.

Журналъ „Впередъ“ сталъ выходить и пользовался успѣхомъ среди одной части революціонно настроеннаго общества. По мѣрѣ развитія революціоннаго движенія книжки его принимали все болѣе радикальный характеръ и оставляли программу далеко за собой. Другая часть революціонеровъ, такъ называемые „бакунинцы“, до конца относились къ нему отрицательно.

Къ этому времени относятся первыя литературныя попытки Николая. Онъ помѣстилъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ рядъ рецензій и нѣсколько статей по экономическимъ вопросамъ безъ подписи своего имени. Впослѣдствіи онъ,—если можно такъ выразиться,—набилъ себѣ руку и писалъ свободнѣе, но первыя статьи давались ему труднѣе всякой другой работы. За рецензіей какой-нибудь ничтожной книжонки онъ мучился нѣсколько дней, злился самъ на себя, приходилъ въ отчаяніе. Еслибы не настоятельныя убѣжденія Н. К. Михайловскаго, онъ, вѣроятно, послѣ первой статейки совсѣмъ бросилъ бы это дѣло. Самъ человѣкъ пера, писатель до мозга костей, Николай Константиновичъ не понималъ, какъ можно носить въ головѣ какую-нибудь идею, высказывать ее

на словахъ и не чувствовать потребности изложить ее письменно. Часто, когда Николай, увлекшись разговоромъ, развивалъ какую-нибудь мысль, только что пришедшую ему въ голову, Николай Константиновичъ прерывалъ его на полусловѣ.

— Постойте,—останавливалъ онъ его—запишите свои слова, у васъ выйдетъ превосходная статья!—Николай отвѣчалъ какой-нибудь шуткой и спѣшилъ вернуться къ прерванному разговору.

Онъ никогда не могъ, какъ Михайловскій и многіе другіе, думать съ перомъ въ рукѣ. Ему нужно было, прежде чѣмъ сѣсть за письменный столъ, продумать все, что онъ собирался написать, а еще лучше изложить это кому-нибудь на словахъ. Если при этомъ онъ встрѣчалъ опроверженія, могъ поспорить, онъ былъ совершенно доволенъ.

— Я знаю,—говорилъ онъ—что въ спорѣ рѣдко можно разубѣдить противника или убѣдиться его доводами, но ничто такъ не помогаетъ вполнѣ овладѣть идеей, представить ее себѣ во всѣхъ подробностяхъ, какъ споръ съ добросовѣстнымъ противникомъ.

Иногда онъ такъ много и со многими говорилъ о своей статьѣ, что она надоѣдала ему прежде, чѣмъ была написана.

— Это избитыя мысли, — говорилъ онъ — не стоитъ писать, когда всѣ это и безъ меня знаютъ!

Нерѣдко мнѣ приходилось напоминать ему, что эти „всѣ“ знаютъ именно съ его словъ, что осталось еще много людей, которыхъ онъ не успѣлъ ознакомить со своей статьей, и что имъ будетъ, пожалуй, интересно прочесть ее. Онъ вообще былъ всегда недовѣрчивъ къ себѣ, всегда цѣнилъ себя ниже того, что стоилъ, но нигдѣ эта черта характера не проявлялась у него сильнѣе, чѣмъ въ оцѣнкѣ собственныхъ литературныхъ работъ. Всякую свою статью онъ передѣлывалъ и переправлялъ до послѣдней минуты, когда надо было отсылать ее въ редакцію или въ типографію, и тогда еще со вздохомъ говорилъ:

— Ахъ, кабы можно было передѣлать все сначала, можетъ быть, и вышло бы что-нибудь, а такъ никуда не годится!

Уже черезъ много времени, перечитавъ статью въ печатномъ видѣ, онъ иногда соглашался:

— А, вѣдь, и правда: недурно вышло, напрасно я себя бранилъ.

Среди воспоминаній объ этихъ годахъ жизни свѣтлымъ пятномъ выдѣляется воспоминаніе о нашемъ первомъ заграничномъ путешествіи лѣтомъ 1875 г. Побывать за границей всегда было нашей мечтой, казавшейся намъ неосуществимой при нашихъ небольшихъ средствахъ. Но зимой этого года мнѣ пришлось пережить мое первое глубокое горе—смерть сестры—и я была въ очень подавленномъ состояніи. Николай былъ тоже огорченъ, такъ какъ всегда любилъ сестру, но его сангвиническая, жизнерадостная натура не допускала, чтобы тѣнь смерти омрачала жизнь. Онъ рѣшилъ, что намъ необходимо развлечься, набраться новыхъ впеча-

тлѣній, что мы должны уѣхать изъ Петербурга. Кромѣ того, нужно было отвезти его младшую сестру къ ея жениху, случайно попавшему въ число эмигрантовъ. Недостатокъ денежныхъ средствъ никогда не казался ему непреодолимымъ препятствіемъ: онъ сдѣлалъ заемъ у одного изъ своихъ сослуживцевъ и мы отправились.

Николай свободно читалъ по-французски, по-нѣмецки, но говорить на этихъ языкахъ не могъ, и потому мы не искали знакомства съ иностранцами, не пытались узнавать ихъ семейную и общественную жизнь. Безъ того путешествіе давало намъ цѣлый рядъ живыхъ впечатлѣній и образовъ. Въ Германіи мы погрузились въ міръ искусства, усердно посѣщали музеи и картинныя галлереи, часами просиживали передъ Сикстинской Мадонной, съ удовольствіемъ бродили по узкимъ улицамъ старыхъ городовъ; въ Швейцаріи мы съ компаніей кавказской молодежи сдѣлали чудную экскурсію въ горы; въ Парижѣ мы цѣлые дни проводили или въ картинныхъ галлереяхъ, или за осмотромъ достопримѣчательныхъ зданій, или просто на улицахъ, наслаждаясь красотою города и оживленнымъ видомъ толпы, а вечера сидѣли въ театрахъ и кафе-шантанахъ.

Во время всего путешествія намъ удалось побывать на одномъ только общественномъ собраніи и это собраніе произвело на насъ неизгладимое впечатлѣніе.

Международное Общество Рабочихъ, такъ называемый „Интернаціоналъ", основанный еще въ 60-хъ годахъ послѣ многихъ перипетій, сопровождавшихъ его появленіе на свѣтъ, получило незадолго передъ этимъ новую организацію и многіе смотрѣли на него, какъ на зародышъ великаго будущаго. Въ Веве (около Женевы) назначено было засѣданіе Юрской секціи и мы черезъ знакомыхъ намъ эмигрантовъ получили разрѣшеніе присутствовать на немъ.

Большая, низкая комната, слабо освѣщенная нѣсколькими тусклыми лампами. Всю середину ея занимаетъ столъ. Вокругъ него на деревянныхъ скамьяхъ и стульяхъ сидитъ нѣсколько десятковъ человѣкъ, членовъ общества. Около стѣнъ помѣщается немногочисленная публика, преимущественно изъ эмигрантовъ. Среди членовъ общества есть люди пожилые, даже съ просѣдью, но большинство молодые. Они возбуждены, они говорятъ горячо, иногда перебивая другъ друга, говорятъ о безпомощномъ положеніи рабочихъ и о томъ, какъ измѣнится это положеніе, когда рабочіе всего міра сознаютъ свою солидарность и объединятся въ одинъ общій союзъ для борьбы съ капиталомъ и эксплуатаціей; этотъ союзъ уже существуетъ, онъ насчитываетъ столько-то членовъ въ Англіи, столько-то въ Германіи, столько-то въ Италіи и такъ далѣе. Встаютъ представители разныхъ странъ и отдѣльныхъ городовъ и читаютъ доклады о томъ, что та или другая группа рабочихъ проситъ принять ее въ число членовъ союза.

Число этихъ членовъ микроскопи еск мало сравнительно со

всѣмъ числомъ рабочихъ, но на эту относительную ничтожность цифръ никто не обращаетъ вниманія: всѣ вѣрятъ, что дѣло растетъ и будетъ неудержимо расти, что ему принадлежитъ будущность...

Мы заражаемся общимъ одушевленіемъ и намъ обоимъ приходятъ въ голову первые христіане, которые, собираясь въ полутемныхъ катакомбахъ, тоже насчитывали только десятками и сотнями своихъ единомышленниковъ.

Когда мы вернулись изъ-за границы, составъ нашей семьи нѣсколько увеличился: сестра, умирая, поручила мнѣ свою малютку дочь, на время путешествія мы ее оставляли у родныхъ, а теперь взяли къ себѣ. Своихъ дѣтей у насъ не было, мы охотно усыновили малютку и скоро привязались къ ней, какъ къ родной дочери.

Кромѣ того, въ этотъ годъ съ нами поселились родители Николая. Та непріязнь, съ какою они отнеслись къ нашему браку, давно исчезла и между нами установились наилучшія отношенія. Отецъ Николая привыкъ въ Сибири жить на широкую ногу, какъ крупный чиновникъ, получавшій большое жалованье и пользовавшійся большимъ вліяніемъ. Онъ не могъ помириться съ тѣмъ, что въ Петербургѣ сразу лишился всего своего чиновничьяго величія и долженъ былъ содержать большую семью на скромное жалованье чиноника, причисленнаго къ министерству. Чтобы увеличить свои средства, онъ сталъ искать частныхъ занятій и затѣвать разныя аферы, которыя большею частью оказывались неудачными. Пользуясь его довѣрчивымъ характеромъ, около него ютились разные проходимцы, которые безсовѣстно обманывали его; дѣла его запутывались все больше и больше, и Николаю не разъ приходилось выручать его изъ бѣды. Младшія сестры, мои бывшія ученицы, кончили гимназію, одна давала уроки, другая сдѣлалась телеграфисткой; какъ онѣ, такъ и младшій братъ (онъ былъ на 12 лѣтъ моложе Николая) жили по большей части съ нами, а не съ родителями. Они относились къ намъ вполнѣ по-дружески, ко мнѣ съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ почтительности, какъ къ своей бывшей учительницѣ, къ Николаю—съ нѣжною любовью. Мы жили очень небогато, въ тѣсныхъ квартирахъ, довольствуясь самою неприхотливою, однообразною пищею, но это нисколько не мѣшало имъ чувствовать себя съ нами весело и привольно. Одна изъ сестеръ очень мило пѣла и замѣчательно хорошо умѣла передразнивать оперныхъ пѣвицъ и драматическихъ актрисъ. Николай всегда готовъ былъ пѣть съ ней дуэты изъ любой оперы, при этомъ, гдѣ не хватало голоса, онъ помогалъ себѣ энергическими жестами и выразительной пантомимой. Зачастую квартира наша оглашалась свирѣпыми проклятіями изъ Лукреціи Борджіа, торжественнымъ благословеніемъ какого-нибудь родителя, отчаянными воплями несчастнаго любовника, или нѣжными изліяніями влюбленной парочки. Впрочемъ, любовныя сцены плохо удавались пѣвцу и обыкновенно принимали въ его исполненіи комическій характеръ.

Другая сестра и братъ любили сочинять шутливыя стихотворенія на разныхъ знакомыхъ и на разные случаи жизни. Между прочимъ и мы съ мужемъ нерѣдко являлись объектами этихъ стихотвореній. Мы отъ души смѣялись имъ, а Николай всегда готовъ былъ помочь юнымъ поэтамъ пріискать рифму или какое-нибудь мѣткое сравненіе, хотя бы въ ущербъ своему собственному или моему достоинству.

Одно время они затѣяли устроить у себя небольшія собранія молодежи.

— Только, пожалуйста, чтобы не было никого старшихъ!—просилъ одинъ изъ ихъ знакомыхъ, молодой студентъ.

Николай предоставилъ въ ихъ распоряженіе свой кабинетъ и мы съ нимъ уѣзжали къ знакомымъ на всѣ тѣ вечера, когда они должны были собираться. Одинъ разъ случилось, что мы почему-то вернулись домой раньше обыкновеннаго и застали всю молодую компанію еще за чайнымъ столомъ. Я быстро прошла въ свою комнату, но Николай соблазнился оживленнымъ разговоромъ, который шелъ въ столовой. Онъ пріостановился и вставилъ въ него нѣсколько замѣчаній. Молодежь притихла. Появленіе одного изъ старшихъ видимо смутило ее. Но это было не на долго. Прежнее оживленіе мало-по-малу возвратилось и гости засидѣлись долѣе обыкновеннаго. Уходя, тотъ самый студентъ, который хлопоталъ объ удаленіи старшихъ, сказалъ сестрѣ:

— А нельзя ли намъ, если это не затруднитъ Николая Ѳедоровича, собираться лучше въ тѣ дни, когда онъ дома?—И всѣ согласились, что это было бы очень хорошо.

Къ намъ въ домъ очень часто такъ или иначе попадали чужія дѣти и жили у насъ болѣе или менѣе долго. Отношеніе къ нимъ Николая были своеобразны. Онъ никогда не задавался цѣлью кого-нибудь воспитывать, передѣлывать на свой ладъ. Въ ранней молодости онъ рѣзвился и дурачился съ ними самъ, какъ ребенокъ, позднѣе баловалъ ихъ и охотно принималъ участіе въ ихъ играхъ и шуткахъ. Серьезные разговоры онъ велъ съ ними только тогда, когда они сами вызывали его на это своими вопросами, но никогда не скрывалъ отъ нихъ своихъ мнѣній и убѣжденій, всегда прямо и открыто называлъ бѣлое бѣлымъ, черное чернымъ и съ обычною горячностью объяснялъ, почему это бѣло, а то черно. На недостатки и проступки подростковъ онъ обыкновенно отзывался легкой насмѣшкой, иногда, казалось, просто не замѣчалъ ихъ. Но вдругъ при какомъ-нибудь прегрѣшеніи его терпѣніе лопалось и онъ разражался противъ виновнаго такою грозною обвинительною рѣчью, что тотъ былъ ошеломленъ. Все его поведеніе подвергалось безпощадной критикѣ, никакія попытки оправдаться не помогали. Обвиняемый былъ подавленъ, уничтоженъ. Появлялись слезы, — и нѣсколькихъ капель ихъ было достаточно, чтобы утишить грозу, чтобы превратить строгаго судью въ прежняго добродушнаго, весе-

л го т зарища. Черезъ нѣсколько минутъ онъ уже шелъ рука объ руку съ грѣшникомъ и всячески старался разсѣять тяжелое впечатлѣніе предъидущей сцены.

Всѣ дѣти очень быстро освоивались съ нимъ и привязывались къ нему, но уважать его, признавать его авторитетъ начинали позднѣе, по мѣрѣ того, какъ становились болѣе сознательными.

Начиная съ 1876 г., революціонное движеніе стало быстро разростаться. Освободительная война во многихъ возбуждала надежды: „люди, которые идутъ цѣною жизни покупать права и свободу чужого народа, не примирятся съ безправіемъ и произволомъ у себя на родинѣ“,—разсуждали они. Громадный переворотъ въ умахъ, послѣдовавшій за турецкою войною пятидесятыхъ годовъ, еще былъ живъ въ памяти, невольно вѣрилось, что новая война можетъ имѣть подобные же результаты. Но война кончилась, славянскіе народы освободились отъ турецкаго ига, а въ Россіи ничто не измѣнилось къ лучшему; полицейскія стѣсненія и административный произволъ давали себя чувствовать всюду и всѣмъ. По самому пустяшному поводу десятки и сотни „неблагонадежныхъ“ ссылались въ разные захолустные городки Сѣвера или Сибири; мѣстная полиція не въ состояніи была достаточно бдительно стеречь ихъ и они или въ одиночку, или даже цѣлыми группами бѣжали изъ мѣстъ ссылки; жизнь ихъ была разбита, всякая легальная дѣятельность была для нихъ закрыта, изъ „неблагонадежныхъ“ они превращались въ озлобленныхъ враговъ правительства и вступали въ ряды революціонеровъ. Въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ безпрестанно возникали безпорядки, студентовъ исключали массами и наиболѣе энергичные изъ нихъ, выбитые изъ колеи, потерявъ возможность работать въ избранной спеціальности, усиливали собою кадры революціи. Многіе молодые люди, ушедшіе „въ народъ“ съ цѣлью мирной пропаганды, разочаровались въ своей дѣятельности, встрѣчавшей на каждомъ шагу административныя препятствія и не дававшей очевидныхъ результатовъ, и перешли къ прямой революціонной дѣятельности. Террористическіе акты учащались и въ то же время расширялись тѣ круги общества, которые смотрѣли на нихъ, если не сочувственно, то снисходительно, какъ на зло, неизбѣжное при данныхъ обстоятельствахъ.

Николай не принадлежалъ къ числу революціонеровъ въ тѣсномъ значеніи этого слова. Про него можно скорѣе сказать, что онъ былъ однимъ изъ представителей той революціонно настроенной среды, безъ существованія которой едва-ли была бы возможна дѣятельность настоящихъ революціонеровъ. Терроръ былъ противенъ ему какъ по его характеру, такъ и по его убѣжденіямъ, онъ не принималъ ни непосредственнаго, ни косвеннаго участія ни въ одномъ террористическомъ актѣ, но онъ не могъ отказать въ уваженіи самоотверженнымъ виновникамъ этихъ актовъ, не могъ не признавать ихъ геройскаго мужества, ихъ беззавѣтной преданности

дѣлу и употреблялъ всѣ усилія, чтобы спасти ихъ отъ трагическихъ послѣдствій сдѣланнаго ими. Онъ не раздѣлялъ радужныхъ надеждъ, съ какими молодые бакунисты ѣхали вести свою пропаганду среди народа, не сочувствовалъ той торопливости, съ какою полусознательныхъ рабочихъ привлекали къ революціонной дѣятельности, не сочувствовалъ возбужденію мелкихъ бунтовъ среди крестьянъ, особенно путемъ обмана (Чигиринское дѣло возмущало его до глубины души), но старанія будить сознаніе среди темныхъ массъ были ему всегда крайне симпатичны. Многіе изъ народниковъ, работавшихъ въ деревняхъ, возвращаясь въ Петербургъ, заходили къ намъ, разсказывали о своихъ успѣхахъ или о своихъ разочарованіяхъ и часто до глубокой ночи толковали съ мужемъ о причинахъ тѣхъ или другихъ. Онъ не брался самъ за обученіе рабочихъ, такъ какъ не считалъ себя способнымъ къ учительской дѣятельности.

— Во всякомъ дѣлѣ необходимо раздѣленіе труда,—говаривалъ онъ—они говорятъ съ народомъ, а мы (онъ подразумѣвалъ своихъ единомышленниковъ) говоримъ съ обществомъ: есть много идей, которыя необходимо уяснить ему и укрѣпить въ его сознаніи, чтобы оно могло перейти къ новому строю жизни.

Не знаю, писалъ ли онъ въ подпольной прессѣ, если писалъ, то очень мало, но несомнѣнно, что многія статьи въ „Землѣ и Волѣ“ и въ „Народной Волѣ“ обсуждались и составлялись при его участіи и что онъ старался распространять оба эти изданія.

Во второй половинѣ 70-хъ годовъ во всѣхъ большихъ городахъ появилось множество такъ называемыхъ „нелегальныхъ“, людей, которымъ приходилось спасаться отъ преслѣдованій полиціи съ помощью фальшивыхъ паспортовъ или совсѣмъ безъ паспорта. Эмигранты, пріѣхавшіе на время изъ-за границы ради какого-нибудь дѣла, бѣжавшіе изъ ссылки, „народники“, выслѣженные полиціей въ одномъ мѣстѣ и готовившіеся отправиться подъ новымъ именемъ въ другое,—всѣ они принуждены были вести тревожную жизнь нелегальныхъ. Лицъ этой категоріи набиралось такъ много въ Петербургѣ, что въ сочувствующей средѣ не хватало болѣе или менѣе безопасныхъ въ полицейскомъ отношеніи квартиръ, гдѣ они могли бы найти себѣ пріютъ.

Живо помню одинъ вечеръ у Н. К, Михайловскаго. У него каждую недѣлю устраивались довольно многолюдные журфиксы. Въ этотъ разъ, какъ всегда, были оживленные разговоры, выпивка, веселье, впрочемъ, нѣсколько натянутое—„Пиръ во время чумы“, острилъ Николай,—но, наконецъ, въ третьемъ часу всѣ какъ-то устали, всѣмъ хотѣлось домой, а между тѣмъ разошлись только не очень близкіе знакомые, остальные не двигались съ мѣста и ждали... ждали церковнаго колокола къ заутрени. Дѣло въ томъ, что въ числѣ гостей были двое нелегальныхъ, которые не имѣли пристанища на эту ночь и рѣшили провести ее въ церкви.

Время вообще было тревожное, а слухи, появлявшіеся, Богъ вѣсть, откуда, еще усиливали тревогу. Интересно было, что эта тревога господствовала въ обоихъ лагеряхъ. Радикалы толковали о предполагающихся массовыхъ обыскахъ и облавахъ, о длинныхъ спискахъ лицъ, назначенныхъ къ высылкѣ и т. п., полиція ходила по домамъ и дѣлала тайныя распоряженія, чтобы дворники держали на готовѣ бочки съ водой и свѣчи, такъ какъ революціонеры рѣшили испортить водопроводныя и газовыя трубы, чтобы лишить городъ воды и свѣта. Шпіоны шмыгали повсюду и съ такою наивною откровенностью „слѣдили“, что и тотъ, къ кому они были приставлены, и всѣ его сосѣди очень скоро узнавали ихъ и принимали свои мѣры предосторожности.

Мы жили зимою 1878—79 года въ одной изъ малолюдныхъ улицъ Измайловскаго полка и безъ труда замѣтили среди рѣдкихъ прохожихъ двухъ субъектовъ, одного въ синей чуйкѣ, другого въ поношенномъ пальто и картузѣ, которые то поодиночкѣ, то вдвоемъ дежурили около нашихъ воротъ или около дома напротивъ. Они провожали насъ, когда мы куда-нибудь ѣздили, одинъ изъ нихъ ходилъ за мужемъ даже до воротъ министерства.

Помню, въ одинъ особенно морозный вечеръ мы поѣхали въ Художественный Клубъ на какое-то литературное чтеніе. Смотримъ, синяя чуйка догоняетъ на извощикѣ. Подъѣхавъ къ клубу, мы взошли на подъѣздъ и оглянулись на своего спутника. Онъ тоже соскочилъ съ извощика, но, увы, безъ „благороднаго“ костюма онъ не могъ войти въ залу клуба и ему снова пришлось мерзнуть на улицѣ. Даже Николай, не смотря на свое добродушіе, не могъ не засмѣяться при видѣ его жалкой фигуры.

Двухъ соглядатаевъ оказалось мало; къ нимъ присоединили третьяго. Высокій коренастый парень помѣстился на улицѣ прямо противъ нашихъ оконъ, поставивъ передъ собой маленькій, чуть ли не игрушечный лотокъ, на которомъ были разложены нѣсколько пачекъ папиросъ и нѣсколько коробочекъ спичекъ. Эта нелѣпая фигура тотчасъ же обратила на себя вниманіе. Къ мнимому разносчику стали безпрестанно подбѣгать служанки изъ сосѣднихъ домовъ со смѣхомъ и какими-то замѣчаніями, которыя видимо были непріятны ему. Онъ простоялъ дня два, три и исчезъ.

Появленіе всѣхъ этихъ шпіоновъ принесло намъ большую пользу. До тѣхъ поръ мы считали свою квартиру совершенно безопасной и имѣли къ этому нѣкоторыя основанія. Въ 1873 г. мужъ перемѣнилъ мѣсто службы и по настоятельнымъ просьбамъ Алексѣя Андріановича Головачева,—съ которымъ мы въ то время познакомились,—перешелъ въ Статистическое Отдѣленіе Министерства Путей Сообщенія. Въ 1877 и 78 гг. министерство командировало его на международные статистическіе съѣзды въ Буда-Пештъ и въ Римъ, и оба раза полиція безъ всякаго затрудненія выдавала намъ заграничный паспортъ и при возвращеніи мы почти не подверга-

лись таможенному осмотру; письма приходили къ намъ и изъ России, и изъ-за границы аккуратно, не подпечатанныя; правда, у насъ за послѣдніе годы были раза два обыски, но совершенно безрезультатные, и такимъ образомъ могли служить лишнимъ доказательствомъ нашей благонадежности.

Вслѣдствіе всего этого мы забыли всякую осторожность. И „нелегальные", и „легальные", которымъ нужно было нѣсколько времени прожить вдали отъ свѣта и людей, безбоязненно шли къ намъ во всякое время дня и ночи; Николай очень бережно относился къ тому, что порой приносили къ нему эти временные постояльцы и, хотя тогда никакихъ бомбъ и тому подобныхъ страшныхъ вещей еще не было въ ходу, но все же, когда явились на горизонтѣ предостерегающіе признаки, пришлось поскорѣй привести все въ порядокъ. Мы немедленно дали знать, кому слѣдуетъ, что наша квартира неблагополучна и съ помощью нѣсколькихъ добрыхъ знакомыхъ принялись удалять изъ нея все лишнее. Дѣйствовать приходилось на глазахъ у нашихъ бдительныхъ стражей. Они добросовѣстно провожали мужа до входа въ министерство или до дверей его родителей, а въ это время какой нибудь пріятель безпечно выходилъ отъ насъ съ порядочнымъ грузомъ весьма нелегальныхъ предметовъ. Черезъ нѣсколько дней все было приведено въ порядокъ и мы могли спокойно ждать событій.

Но недѣля проходила за недѣлею, шпіоновъ отъ насъ убрали и намъ становилось даже неловко за напрасно поднятую тревогу.

Но вотъ 2 апрѣля грянулъ выстрѣлъ Соловьева и въ ночь къ намъ явились незваные гости. Въ этотъ разъ появленіе ихъ было обставлено особенною торжественностью. Въ послѣднее время было при обыскахъ нѣсколько случаевъ сопротивленія полиціи и даже насильственныхъ дѣйствій противъ нея; она, очевидно, трусила и потому явилась въ необычно большомъ составѣ.

Мы спокойно спали и не слышали ночного звонка; впрочемъ, его, кажется, и не было: полиція прокралась по черному ходу. Я проснулась отъ звука шаговъ и сразу не могла понять, въ чемъ дѣло: мимо моей кровати, направляясь въ комнату мужа, дефилировало нѣсколько десятковъ человѣкъ въ военной формѣ съ зажжеными свѣчами въ рукахъ, точно на какой-то религіозной церемоніи. Къ мужу они обратились съ требованіемъ немедленно выдать имъ оружіе. Онъ отвѣчалъ, что никакого оружія у него нѣтъ, а, еслибы и было, то онъ не сталъ бы стрѣлять въ нихъ, а тѣмъ болѣе въ себя. Его безпечно-спокойная манера держаться произвела свое дѣйствіе на полицейскихъ, часть людей была отпущена и обыскъ пошелъ обычнымъ порядкомъ, но въ концѣ его Николаю объявили, что онъ арестованъ. На утро я узнала, что въ эту ночь произведено было множество обысковъ и арестовъ. Между прочимъ арестованъ былъ и В. В. Лесевичъ.

Черезъ день ко мнѣ пришелъ знакомый чиновникъ изъ мини-

стерства и разсказалъ, что наканунѣ былъ съ разрѣшенія министра произведенъ обыскъ въ столѣ Николая. Полиція не взяла ничего, кромѣ какой-то чужой рукописи, а между тѣмъ жандармы говорили чиновникамъ, что ни одинъ обыскъ за все послѣднее время не далъ такихъ блестящихъ результатовъ, какъ обыскъ у Анненскаго Я была въ полномъ недоумѣніи. У насъ не взяли ничего, кромѣ нѣсколькихъ незначительныхъ писемъ да фотографій; рукопись, взятую въ министерствѣ, я хорошо знала, она не имѣла никакого политическаго значенія, это было изобличеніе какихъ-то чиновничьихъ злоупотребленій въ одной изъ губерній; подписана она была полнымъ именемъ автора (Павловъ-Сильванскій), такъ что и о принадлежности ея не могло возникнуть вопроса.

На этотъ разъ Николай содержался въ домѣ предварительнаго заключенія и дѣло его разбиралось въ III-мъ Отдѣленіи. Туда надо было ходить съ просьбами и о свиданіи, и о передачѣ писемъ и книгъ, и объ ускореніи слѣдствія. Эта послѣдняя просьба была, впрочемъ, совершенно безполезна. Арестованныхъ была такая масса, что при всемъ желаніи жандармы не могли скоро разобратъся въ ихъ разнообразныхъ дѣлахъ. Въ пріемныхъ комнатахъ III-го Отдѣленія у насъ, родственниковъ заключенныхъ, составлялся цѣлый клубъ. Кого тутъ не было! Жены рабочихъ плакали, что съ арестомъ хозяина семья осталась безъ хлѣба, отцы молодыхъ дѣвушекъ, забранныхъ на вечеринкѣ, устроенной безъ разрѣшенія полиціи, ворчали на самовольство и испорченность молодежи, матери рыдали и увѣряли всѣхъ и каждаго въ полной невинности и благонадежности своихъ сыновей, молодыя, нарядныя барыньки, ради спасенія своихъ мужей, напрополую кокетничали съ жандармскими офицерами. Вполголоса передавали другъ другу разные болѣе или менѣе правдоподобные слухи, высказывали предположенія о ходѣ того или другого дѣла, давали совѣты, однихъ утѣшали, другихъ запугивали.

Тутъ я узнала, что нѣсколькихъ арестованныхъ удалось освободить, взявъ на поруки или подъ залогъ. Я попыталась такимъ же путемъ добиться освобожденія Николая. Но на первыя мои слова о порукахъ мнѣ отвѣтили самымъ положительнымъ отказомъ. Относительно залога нѣсколько поколебались и затѣмъ объявили, что могутъ отпустить, но не иначе какъ за 10.000 наличными деньгами. По нашимъ тогдашнимъ средствамъ эта цифра была непомѣрно велика, да и среди нашихъ знакомыхъ не было никого, къ кому я могла бы обратиться съ просьбой о ссудѣ такихъ размѣровъ. Чистая случайность выручила меня: въ это самое время одинъ нашъ родственникъ, жившій заграницей, переслалъ черезъ меня 12,000, которыя долженъ былъ уплатить одной особѣ, жившей въ Петербургѣ. Я немедленно списалась съ нимъ, переговорила съ той особой, которой деньги предназначались, и въ опредѣленный жандармскимъ генераломъ день явилась къ нему съ

10 тысячами. Повидимому, генералъ этого не ожидалъ и не былъ особенно доволенъ, но отступиться отъ своего слова не хотѣлъ. Заставивъ меня часовъ 5 продежурить въ III отдѣленіи, мнѣ выдали мужа подъ росписку.

Это было сюрпризомъ для Николая. Онъ ничего не зналъ о моихъ хлопотахъ и не ждалъ такого скораго освобожденія. Начиналось лѣто, стояла жаркая погода, ему было очень тяжело сидѣть въ душной каморкѣ предварилки и, вырвавшись изъ нея, онъ радовался положительно, какъ ребенокъ. Насилу удалось мнѣ уговорить его сѣсть на извозчика и ѣхать домой, ему такъ хотѣлось поскорѣй воспользоваться свободой, побольше двигаться, ходить, куда глаза глядятъ, встрѣчаться со знакомыми.

Теперь объяснилось, что именно такъ обрадовало жандармовъ при обыскѣ у насъ. На послѣднемъ статистическомъ конгрессѣ въ Римѣ мужъ обмѣнялся фотографическими карточками съ нѣсколькими членами его. На карточкахъ послѣ имени лица стояло: Membre du congrès international de statistique (членъ международнаго конгресса статистики). Слово statistique ничего не говорило ни уму, ни сердцу жандармовъ, но слово international сразу поразило ихъ воображеніе. Они были убѣждены, что это портреты членовъ Интернаціонала, страшнаго Интернаціонала, главнаго виновника всей смуты въ Россіи, и что мужъ является посредникомъ между этимъ Интернаціоналомъ и русскими революціонерами. При допросахъ мужу не трудно было разъяснить имъ ихъ ошибку, а, очутившись на свободѣ, онъ не могъ отказать себѣ въ удовольствіи разсказать о ней и въ министерствѣ, и знакомымъ. Анекдотъ о портретахъ членовъ Интернаціонала сталъ съ разными прикрасами и добавленіями ходить по Петербургу и при слѣдующемъ удобномъ случаѣ жандармы напомнили о немъ мужу.

Въ министерствѣ путей сообщенія арестъ повредилъ мужу такъ же мало, какъ въ контролѣ. Министръ Посьетъ пригласилъ его къ себѣ въ кабинетъ и просилъ его сказать по чистой совѣсти, причастенъ ли онъ къ какимъ-нибудь террористическимъ актамъ. Николай, не колеблясь, отвѣчалъ отрицательно.

— Значитъ, вы,—продолжалъ спрашивать министръ—просто не довольны существующимъ порядкомъ? Можетъ быть, хотите конституціи?

Этого мужъ не отрицалъ.

— Ну, не бѣда,—сказалъ добродушный старикъ—нынѣшними порядками мало кто доволенъ, а конституціи я и самъ былъ бы радъ.

И мужъ остался на службѣ, хотя дѣло о немъ еще производилось въ III-мъ Отдѣленіи. Мы мало надѣялись на благопріятный исходъ его и заранѣе придумывали, въ который изъ захолустныхъ сѣверныхъ городковъ намъ придется отправиться. Николай совершенно бодро смотрѣлъ на предстоявшую перемѣну жизни. Онъ

увѣрялъ, что въ ссылкѣ будетъ много писать, выдумалъ себѣ даже комичный псевдонимъ,—Вытуристъ, отъ слова турить, выгонять—подъ которымъ обѣщалъ прославиться.

Оказалось однако, что наши приготовленія были преждевременны: въ началѣ осени дѣло кончилось характернымъ постановленіемъ: „ожидать поступковъ", и мы могли продолжать прежнюю жизнь въ Петербургѣ. Казалось даже, что періодъ административныхъ воздѣйствій окончательно исчезнетъ съ водвореніемъ Лорисъ-Меликова во главѣ правленія. Помню, какъ-то въ февралѣ 1880 г. у насъ собралось довольно многолюдное общество. Между прочимъ было нѣсколько сторонниковъ „диктатуры сердца", которые ожидали отъ нея всякихъ благъ. Николай горячо спорилъ съ ними. Онъ вспоминалъ предыдущую административную дѣятельность Лорисъ-Меликова, возмущался казнью Млодецкаго и доказывалъ, что отъ правителя такого пошиба нечего ожидать ни законности, ни увиженія къ человѣческой личности.

Очень скоро онъ на собственномъ опытѣ узналъ, насколько его мнѣніе было правильно. 29 февраля у насъ произвели довольно поверхностный обыскъ, мужъ былъ арестованъ и высланъ въ Западную Сибирь тѣмъ же административнымъ порядкомъ, какимъ до Лорисъ-Меликова дѣйствовало III-е Отдѣленіе; безъ всякаго подобія суда или слѣдствія, даже безъ сколько-нибудь точной формулировки обвиненія.

— Я вышелъ въ тиражъ и былъ изъятъ изъ обращенія—острилъ Николай, разсказывая впослѣдствіи объ этой перемѣнѣ въ своей судьбѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

А. Анненская.